

Научная статья

УДК 811

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166

О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика

Александр Борисович Алексеев

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Красногорск, Россия
neuausstaten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Аннотация

Настоящая статья в определенной степени – насколько это возможно в рамках одной статьи – реферирует результаты нашего диссертационного исследования, проведенного на базе Московского государственного областного университета под руководством доктора филологических наук, профессора Э. А. Сорокиной. Актуальность темы исследования определяется антропоцентризмом современной лингвистической науки, демонстрирующимся в поступательном развитии персонологии, в том числе лингвоперсонологии и политической лингвоперсонологии как одного из зарождающихся научных направлений, пока еще не полностью обособленного от политической лингвистики. В статье отражены новые проблемы политической лингвистики, связанные с утверждением понятия *лингвоперсонема*, а также предложено несколько типов лингвоперсонем политика: политик-мифотворец, политик-актер, политик-алармист, политик-джентльмен (политик-леди), политик-агрессор, политик-маргинал. Большинство из этих терминов употреблялось нами в предыдущих публикациях, но только на данном этапе удастся представить более или менее целостную картину нашего видения сложного, многогранного феномена языковой личности политика. Согласно отстаиваемой нами точке зрения, созвучной социологическим теориям П. Бурдьё и М. Фуко, языковая личность политика – это разновидность творческой профессиональной языковой личности, в какой-то мере сравнимой с людьми, работающими в таких профессиональных средах, как шоу-бизнес, спорт, искусство и т. п., которая формируется прежде всего в политическом дискурсе. Установлено, что основные характеристики политического дискурса, своеобразно преломляясь в языковой личности политика, существенно трансформируют ее общую структуру, до последнего времени описываемую преимущественно – если не исключительно – в терминах влиятельной теории языковой личности Ю. Н. Караулова, предложившего различать вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни языковой способности человека.

Ключевые слова

политическая лингвистика, языковая личность политика, профессиональная языковая личность, лингвоперсонема, политический миф, политическая лингвоперсонология

Для цитирования

Алексеев А. Б. О некоторых особенностях влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 151–166. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166

© Алексеев А. Б., 2021

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 4. С. 151–166
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 151–166

The Influence of Political Discourse on the Formation of the Language Personality of a Politician

Alexander B. Alexeyev

Moscow Regional Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation
Kransnogorsk, Russian Federation
neuausstatten@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2740-4649>

Abstract

The current paper sums up the results of the dissertation research conducted by the author at the Moscow Region State University which was supervised by Professor Ye. A. Sorokina, Doctor of Philology. The relevance of the chosen research topic is determined by anthropocentrism of modern linguistics which manifests itself in progressive development of personology, including linguistic personology and political linguistic personology as one of the emerging scientific disciplines that is not yet fully separated from political linguistics. This article looks at some new issues of political linguistics, one of which is the notion of linguopersoneme, and suggests several types of linguistic *personemes*: the mythmaker, the actor, the alarmist, the gentleman (the lady), the aggressor, and the marginal. Most of these notions and terms were used in our previous articles and yet it is only now that we present a more or less holistic vision of the complex and versatile phenomenon of the language personality of a politician. In our opinion, the language personality of a politician is a variety of a creative professional language personality, to some extent comparable to the people working in such professional spheres as show business, sport, art, etc. The language personality of a politician is formed in political discourse, as follows from the sociological theories by P. Bourdieu and M. Foucault. It was found that the main characteristics of political discourse manifest themselves in the politician's language personality in a specific way, thus forming its structure, which up to this moment was predominately described in terms of Yu. N. Karaulov's influential theory. These are verbal-semantic, cognitive and pragmatic levels of the language personality.

Keywords

political linguistics, language personality of a politician, professional language personality, linguistic personeme, political myth, political linguistic personology

For citation

Alexeyev, A. B. The Influence of Political Discourse on the Formation of the Language Personality of a Politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 4, pp. 151–166. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-4-151-166

Введение

Изучение политического дискурса, осуществляемое прежде всего в рамках политической лингвистики на стыке лингвистики, политологии, социологии и социальной философии, неизбежно предполагает, что в фокус внимания исследователей попадает и субъект политического общения, или, выражаясь иначе, языковая личность политика. Становление единой парадигмы *наук о человеке*, в которой, помимо лингвистики, антропологии, психологии и др., важное место занимает персонология¹, позволяет говорить о междисциплинарном характере исследовательских подходов к рассмотрению функционирования языка [Шапошникова, 2020, с. 6].

Сам термин «языковая личность» начиная с первых научных трудов Ю. Н. Караулова прочно вошел в понятийный аппарат ученых-лингвистов. Вместе с тем было бы неверным утверждать, что данное терминологическое обозначение лишено всяких внутренних противоречий и является универсальным, поскольку, с одной стороны, номинация «личность» уже предполагает, что человек владеет языком, а с другой – постоянно множасьщееся количество работ, посвященных рассмотрению типов и видов языковой личности, – так называемый «лингвоперсонологический бум» – приводит к возникновению других, менее удачных тер-

¹ Термин «персонология» (наука о личности) был впервые предложен американским психологом Г. Мюрреем (см. [Хьелл, Зиглер, 1999, с. 21]).

минов, как, например, «пунктуационная языковая личность» [Языковая личность..., 2015, с. 22], карикатурный характер которого очевиден.

К этому добавляются дискуссии об уместности таких терминов, как «речевая личность», «коммуникативная личность» и др., неизбежно высвечивающие сложность оперирования синонимичным им понятием «языковая личность». «Языковая личность – понятие как будто... достаточно уязвимое... Почему “языковая”, а не, скажем, речевая, текстовая, “семиотическая” (ведь анализируется семиотически понимаемый “след”)?», – размышляют лингвисты² [Иванов, 2017, с. 6].

И всё же стоит отметить, что идеальных терминов³ в науке – абсолютное меньшинство, а сквозная идея, положенная в основу антропоцентрической лингвистики, а именно необходимость обращения к человеку говорящему (лат. *homo loquens*, фр. *l'homme de paroles*⁴), его внутреннему миру, когниции (сфере сознания человека) [Шапошникова, 2020, с. 6], эмоциям, несомненно, доказала свою научную состоятельность.

Языковая личность может быть изучена как минимум в двух ипостасях: либо она является индивидуальностью – лингвоперсоной, либо коллективным, усредненным типом личности – лингвоперсонемой [Языковая личность..., 2015, с. 281]. Одним из главных видов лингвоперсонем является профессиональная языковая личность, исследованию которой посвящены научные труды М. С. Быкановой [2014], С. Г. Лебедевой [2019], Т. Л. Масыч [2010], Э. А. Сорокиной [2017] и многих других ученых.

О новых проблемах в политической лингвистике

Рассмотренная в виде лингвоперсонемы, языковая личность политика – это прежде всего разновидность профессиональной языковой личности, но она ни в коем случае не сводима только к этому понятию, поскольку, как мы уже отмечали в иных публикациях, политика относится к тому типу «профессий», которые принято называть творческими: их особенность состоит в том, что они предполагают не столько наличие специального образования, сколько призвания к определенному виду общественной деятельности [Алексеев, 2018а, с. 207–208; Сорокина, Алексеев, 2019, с. 394–396]. В этом отношении, приводя выдержку из романа А. А. Фадеева «Молодая гвардия», повествующего в том числе о выборе героями профессионального – а шире – жизненного пути, мы сравнивали политика с писателем, поэтом [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 394]. Уместно также провести параллели между политиком и актером, политиком и спортсменом⁵, политиком и шоуменом [Алексеев, 2020а].

Лексемы «политик», «политика» консубстанциональны (о явлении консубстанциональности см.: [Соколова, 2016, с. 16]), причем в обыденном языковом сознании они не имеют четкой дефиниции, являются фантомными, или «бестелыми», если воспользоваться метким эпитетом В. В. Маяковского:

...рукою
свою собственную
щупаю
бестелое слово
«политика»
[1983, с. 119].

² Один из способов преодоления нежелательной синонимичности и фактической взаимозаменяемости рассматриваемых терминов – глобальный подход к языку как «дому бытия» (по М. Хайдеггеру). При таком подходе понятие «языковая личность» превращается в термин-гипероним, органично вбирающий в себя более узкие термины – «речевая личность», «коммуникативная личность» (см. [Иванов, 2017, с. 6–7]).

³ Не существует и единой точки зрения на счет того, что можно считать идеальным термином, так как не решены окончательно проблема консубстанциональных терминов, проблема многозначности терминологических единиц, проблема неоднородности терминологий [Соколова, 2016, с. 12–13].

⁴ Название известной книги современного французского лингвиста К. Ажежа (Claude Hagège).

⁵ Как и спорт, современная политика – это состязательный процесс, а политейинмент и вовсе часто превращается в (спортивное) состязание.

Но даже в рамках лингвополитической науки не существует единого понимания, что такое политика и кого можно считать политиком. Как пишет К. Хадсон, слова «политик», «политика» употреблять непросто, поскольку они означают очень разные вещи для разных людей [Hudson, 1978, p. 1]. В результате лингвисты до сих пор спорят о границах политического дискурса, задаваясь, например, вопросами типа: можно ли считать бытовой, «кухонный» разговор о политике политическим дискурсом? Формирование обыденной лингвополитологии (подробнее см.: [Алексеев, 2020б]), ставящей перед ученым сообществом задачу исследовать речь непрофессиональных политиков, а точнее, людей, равнодушных к политике, но не вовлеченных в активную публичную борьбу за власть, призвано решить проблему неоправданного игнорирования учеными дискурса «клиентов» политических институтов, сегодня более заметного, благодаря глобальной сети «Интернет», которая дает возможность выразить через нее практически любую точку зрения⁶.

В то время как в политической лингвистике обозначаются новые направления (например, обыденная лингвополитология, политическая лингвоперсонология) становится ясным, что, несмотря на возросший интерес ученых к политической коммуникации и уже достаточное количество научных трудов, написанных по данной теме, вопросов, требующих разрешения, не убывает, а становится больше. Это и необходимость изучения гибридных политических дискурсов, особенно в связи с постоянным внедрением в политический дискурс элементов, традиционно ему несвойственных, например, развлекательного характера, соотносящихся со становлением политейнмента как политической реальности XXI в. [Боголюбов, 2020, с. 137]. Это и желательность если не пересмотра, то как минимум уточнения понятий *клиент* и *агент* политического дискурса в условиях дигитализации политики и наметившейся тенденции к маргинализации фигуры государственного деятеля. Это и важность рассмотрения новых политических стратегий – стратегии маргинализации, стратегии конструирования моральной паники (алармизма), стратегий политейнмента [Там же] – и усилившегося манипулятивного воздействия на сознание адресата, в том числе с помощью быстро эволюционирующих средств и способов, осмыслить которые наука порой не успевает. Наконец, национальная специфика политических дискурсов, несмотря на глобализацию и продолжающееся распространение западных, в первую очередь американских ценностей не «затирается», хотя в некоторых странах, как, например, в Турции, появляются политические жанры, подсказанные образцами из США. В качестве такового можно привести «речь после выборов» (*Seçim Sonu Konuşmalar*), отметив, что такие заимствования очень скоро приобретают несвойственные им в оригинальной культуре черты и поэтому представляют несомненный интерес для изучения [Ünlü, 2015].

По нашему мнению, не будет преувеличением сказать, что какой бы проблемой политической лингвистики ученый ни занимался, он имеет дело с субъектом дискурса, т. е. языковой личностью политика, формируемой прежде всего в политическом дискурсе, но допускающей ее рассмотрение и в качестве предискурсивного⁷ феномена [Алексеев, 2018а].

Типы лингвоперсоном политика

Тезис, согласно которому языковая личность политика формируется в рамках политического общения, непосредственно соотносится с социологической теорией П. Бурдьё, считав-

⁶ Всё же нельзя абсолютизировать это положение, ибо во многих странах, включая Россию, за распространение так называемого языка вражды (*hate speech*), пропаганду экстремистских взглядов могут преследовать в уголовном порядке. Причем однозначного определения термина «язык вражды» не существует, – возможно, поэтому в США продолжает действовать первая поправка к Конституции (*The first Amendment to the United States Constitution*), гарантирующая неограниченную свободу слова.

⁷ Термин «предискурс» взят нами из работы французской исследовательницы М. Паво ‘*Les prédiscours. Sens, mémoire, cognition*’. «Я использую префикс *pré*... чтобы обозначить внешние по отношению к дискурсу данные (*des données antérieures*), которые мобилизуются во время его порождения», – пишет автор [Paveau, 2006, p. 17].

шего, что социальные пространства нуждаются в специфических агентах, выполняющих функцию трансляторов («переводчиков») социально приемлемых, одобряемых смыслов, и в этом качестве агенты порождаются самой социально-политической системой [Бурдьё, 1993, с. 15]. Следует упомянуть в этой связи и влиятельную концепцию власти М. Фуко, увязанную с двумя ее ключевыми понятиями – дискурс и знание (*savoir, knowledge*). Французский философ писал, развивая ее, что дискурсы представляют собой «практики, систематически формирующие объекты, о которых они ведут речь» [Foucault, 1972, p. 49] (перевод наш. – А. А.). Мы полагаем, что эти идеи сохраняют свою фундаментальную значимость. Основные характеристики политического дискурса, своеобразно преломляясь в лингвоперсоне политика, конституируют ее общую структуру.

Одной из центральных черт политического дискурса ученые признают его мифологичность, достигающую стадии сверхмифологичности [Соколова, 2016, с. 44]. Это позволяет говорить о существовании лингвоперсоны политика-мифотворца, т. е. агента, стремящегося создать вновь или, быть может, возродить из забвения ранее существовавший в рамках данной цивилизации политический миф.

Так, в ходе политической кампании 2015–2016 гг. в США циркулировало немало политических мифов. Одним из центральных был миф о заговоре (в иной терминологии – конспирологический миф [Эрлих, 2016, с. 18]), согласно которому политики, журналисты, крупные бизнесмены, представляющие американский истеблишмент, чтобы удержать власть, сговорились между собой поставить «своего» человека, не допустить победы «народных» кандидатов, прежде всего Д. Трампа, который верил в его существование и использовал это убеждение в своих целях, разоблачая некую *rigged system*, сформировавшуюся в СМИ:

TRUMP: We're in the rigged system and the big part of the rigging are these dishonest people in the media... These people are the worst! (<https://www.youtube.com/watch?v=x0kTJGEhRyU>).

Для усиления лингвопрагматического воздействия на аудиторию оратор употребил для характеристики нечестных журналистов гиперболу *These people are the worst!*. Выражения 'rigged system' (мошенническая система), 'rigging' (мошенничество), 'broken system' (разбитая система) неоднократно повторялись и стали во время той кампании мифологемами американского политического дискурса, причем в том или ином виде они использовались и идеологическими противниками Д. Трампа:

SANDERS: *And then sustaining that rigged economy is a corrupt campaign finance system undermining American democracy...* (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>).

Или

H. CLINTON: Yes, of course, we have special interests that are unfortunately doing too much to rig the game (Ibid.).

Республиканцы приложили все усилия, дабы заключить именно на основании мифических представлений о реальности определенного рода «дискурсивную коалицию» со сторонниками Б. Сандерса в демократической партии, политика, на самом деле, очень далекого от правых, протрамповских воззрений.

TRUMP: We like Bernie, I like Bernie... Because the system is rigged against Bernie... He can't win. Because the system is rigged. I have to say our system was rigged too... (https://www.youtube.com/watch?v=UeGfbkGMq_8).

В приведенной короткой реплике мифологема 'rigged system' повторена трижды. Основная прагматическая идея, заложенная в анализируемый фрагмент мифического дискурса, следующая: Б. Сандерс не имеет ни малейших шансов на победу, поскольку демократические политики и работники СМИ – мошенники; они делают всё, чтобы на выборах победила их фаворитка Х. Клинтон.

Люди, поддерживавшие Б. Сандерса, сами того не замечая, нередко говорили лестные для Д. Трампа слова, хвалили лидера республиканцев за то, что он не является представителем политического истеблишмента.

Rosario DAWSON: The media and the establishment are afraid of Trump because he has a ground swell – despite the media bias – of people who are behind him because he is not establishment and he is pointing out at the establishment and saying ‘You are fired!’... People are afraid, corporate media is afraid of losing their jobs... (<https://www.youtube.com/watch?v=Eo2i60NFM9k>).

Подчеркнутые фразы созвучны политической повестке Д. Трампа, который и сам утверждал, что он не-политик (неологизм «не-политик» образован нами по аналогии с англ. *non-politician*).

Другой влиятельный политический миф, до сих пор не изживший себя, – миф о незаконном вмешательстве России в выборы США, осуществленном В. В. Путиным, чтобы поддержать «друга» Д. Трампа и унизить Х. Клинтон.

Много политических мифов функционирует и в российском политическом дискурсе. Так, в книге «Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий» С. Е. Эрлих подробно анализирует то, как правительство, опираясь на подконтрольные СМИ, сознательно искажает исторические свидетельства о декабристах, изображая первых самоотверженных революционеров нашей страны марионетками и предателями. Декабристы в представлении многих политтехнологов – это «...попытка развала России изнутри, осуществленная англосаксами», что, излишне говорить, ничем не прикрытая клевета [2016, с. 107], продуцируемая только с одной целью: дискредитировать на основании исторических параллелей несистемных оппозиционеров, изображаемых иноагентами и наймитами Запада.

Не стоит думать, что политические мифы возводятся только из лжи, ведь на самом деле, если вернуться к конспирологическому мифу в США 2015–2016 гг., нельзя не отметить, что ряд заявлений Д. Трампа, обвинявшего СМИ в предвзятости, имели под собой рациональные основания. Как точно замечает писатель В. С. Бушин, «лучшие сорта лжи фабрикуются из полуправды» [2006, с. 27].

Помимо мифологичности политической коммуникации уместно отметить и ее театральность, ориентированность высказываний политического оратора на публику, его постоянной готовности разыгрывать на и для публики самые различные роли, причем нередко с интенцией всего лишь развеселить аудиторию, что связывает эту интенцию со стремлением к созданию политеймента [Алексеев, 2020a]. Еще в предыдущих публикациях мы предлагали в этой связи для выделения подобной персонемы наименование «политик-актер» [Там же]. Одним из наиболее характерных, эксплицитных маркеров выступлений политика-актера можно считать слово ‘fun’ (веселье), а также лексику из семантических полей «развлечение», «шоу-бизнес», «спорт», несерьезное содержание которых, тем не менее, отлично согласуется с серьезной политической аргументацией. Ограничимся буквально несколькими примерами:

CHRISTIE: So let’s do something fun tonight (<https://www.youtube.com/watch?v=HluRpyDpMqI>);

RUBIO: So just give me one more minute because we gonna have fun here (https://www.realclearpolitics.com/video/2016/02/29/rubio_hits_trump_you_know_what_they_say_about_men_with_small_hands_you_cant_trust_them.html);

TRUMP: I have broken more Elton John records, he seems to have a lot of records. And I, by the way, I don’t have a musical instrument. I don’t have a guitar or an organ. No organ. Elton has an organ. And lots of other people helping. No we’ve broken a lot of records. We’ve broken virtually every record. Because you know, look I only need this space. They need much more room. For basketball, for hockey, and all of the sports, they need a lot of room. We don’t need it. We have people in that space. So we break all of these records. Really we do it without like, the musical instruments. This is the only musical: the mouth (<https://www.snopes.com/fact-check/trump-mouth-musical-instrument/>).

Как видно из речи Д. Трампа, политик сравнивает себя со знаменитым музыкантом Элтоном Джоном, но не просто сравнивает, а фактически соревнуется с ним, устанавливает рекорды и т. п. При этом все подчеркнутые фразы относятся либо к семантическому полю

«спорт» (*break a record, basketball, hockey, sports*), либо к семантическому полю «шоу-бизнес» (*Elton John records, a musical instrument, a guitar, an organ*). Выступающий, актуализируя многозначность ключевых слов (*record* – музыкальная пластинка и рекорд, *organ* – орган, т. е. музыкальный инструмент, и орган)⁸, проявляет особую лингвокреативность, а также применяет короткие простые предложения и парцелляцию.

Алармизм – это неотъемлемый элемент любого политического дискурса⁹, в связи с чем оправдано введение категории «лингвоперсонема политика-алармиста». Часто кандидат не просто констатирует наличие какой-либо социальной проблемы, но и прагматически подчеркивает свой вклад в ее выявление на политических дебатах.

TRUMP: So, if it weren't for me, you wouldn't even be talking about illegal immigration... This was not a subject that was on anybody's mind until I brought it up at my announcement. And I said, Mexico is sending (<https://www.youtube.com/watch?v=2rU4W3yfd58>).

Самой характерной чертой политиков-алармистов является то, что они имеют тенденцию преувеличивать масштабы социальной проблемы, что влечет за собой широкое использование генерализации, гипербол, эпитетов с гиперболическим значением.

TRUMP: Gangs all over the place. Chicago, Baltimore, no matter where you look (<https://www.youtube.com/watch?v=Dkom8nLdqpU>).

Gangs all over the place – это явная гипербола, возникающая в результате «алармистской» генерализации. Здесь же Д. Трамп также применяет парцелляцию и эллиптическую структуру предложений для того, чтобы его речь была более динамичной и выразительной.

В американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. алармизм был широко представлен в речи не только Д. Трампа, но и других кандидатов, например, Б. Карсона, Б. Сандерса, Х. Клинтон.

Б. Карсон говорил о незаконной иммиграции как о некоей невероятно острой проблеме.

CARSON: Well, first of all, I recognize that we have an incredible illegal immigration problem (Ibid.).

Б. Сандерс, со своей стороны, вел речь о целой череде беспрецедентных кризисов.

SANDERS: I think most Americans understand that our country today faces a series of unprecedented crises (<https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88>).

Политический алармизм должен быть сочленен с понятием моральной паники (*moral panics*), введенным в науку социологом С. Коэном [Cohen, 2002]. Поскольку эту тему мы уже затрагивали [Алексеев, 2017а], отметим только, что неполиткорректная, порой явно оскорбительная риторика Д. Трампа привела к моральной панике, выплескивавшейся «на улицу» в виде жестких, иногда силовых столкновений сторонников и противников бизнесмена, и потому была осуждена демократами в самых строгих выражениях.

H. CLINTON: When he was engaging in rhetoric that I found deeply offensive, I said basta... his rhetoric, his demagoguery, his trafficking in prejudice and paranoia has no place in our political system (<https://www.youtube.com/watch?v=OqgTFA1HnUM>).

В дискурсе Х. Клинтон лексема «риторика» – имеется в виду, конечно, риторика Д. Трампа – становится контекстуальным синонимом таких негативно маркированных слов, как «демагогия», «распространение предубеждений», «паранойя». Оратор применила не только прием градации – наиболее веское слово, фактически вменяющее идеологическому противнику

⁸ В данном случае мы наблюдаем своеобразную языковую игру (*language play*), в принципе характерную для лингвоперсонемы политика-актера. Следуя А. Ф. Боголюбову, мы различаем термины *language game* и *language play*. Последнее терминологическое обозначение является синонимом *word play* – игра слов. Понятие же *language game* – это социо- или лингвокультурная игра [Боголюбов, 2020, с. 138], *der Sprachspiel*, по Л. Витгенштейну.

⁹ См. также статью Е. С. Храбровой [2020], посвященную лингвистическому изучению алармизма в связи с пандемией коронавируса. Этой же теме посвящена статья М. А. Передревой, А. Р. Тувагиной [2020], рассматривающих, правда, возросший градус алармизма в СМИ преимущественно в социологическом ракурсе.

медицинский диагноз, ставится в конец реплики, – но и, использовав глагол в единственном числе (*has*), подчеркнула неразрывную связь риторики Д. Трампа с его паранойей.

С традиционной точки зрения, политик должен быть вежливым, политкорректным, воздерживаться от оскорблений, придерживаться правил речевого этикета. В этом ключе лингвоперсонама политика может быть представлена в терминах «политик-джентльмен», «политик-леди», что проявляется в избрании кандидатами этикетных речевых жанров, например комплиментов.

TRUMP: ...this is one of the finest men, you not gonna find a finer man (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

SANDERS: Well, first of all, let me applaud my good friend Jim Webb for his service to this country in so many ways (<https://www.youtube.com/watch?v=5e-Pq9Qks88>).

Другой этикетный речевой жанр, довольно часто встречающийся в политическом дискурсе, – извинение. Хотя извинение и предполагает просьбу о прощении за неправильный поступок, признание вины и прошение прощения всегда достойно истинных джентльменов.

SANDERS: Not only – not only do I apologize to Secretary Clinton – and I hope we can work together on an independent investigation from day one – I want to apologize to my supporters. This is not the type of campaign that we run (<https://www.youtube.com/watch?v=JDqZlGcSYtI>).

Показательно, что Б. Сандерс извиняется за поступок, совершенный не им лично, а его коллегами. Более того, политик считает себя морально обязанным извиниться не только перед Х. Клинтон и ее сторонниками, но и перед людьми, которые поддерживают его, Б. Сандерса. Инверсия (*not only do I apologize to Secretary Clinton*) наряду с парантезой (*– and I hope we can work together on an independent investigation from day one*) создают желаемый лингвопрагматический эффект, свидетельствуют об искренности кандидата.

Известно, однако, что отношение к вежливости, политкорректности в современном мире – неоднозначное. Джентльменское, вежливое, корректное поведение иногда признается проявлением неискренности или слабости. Ср.:

TRUMP: Look, the problem is we need toughness. Honestly, I think Jeb is a very nice person, he is a very nice person but we need tough people, we need toughness (<https://www.youtube.com/watch?v=YHYk0K7iszo>).

Характеризуя своего противника как приятного (*nice*¹⁰) человека, Д. Трамп утверждает, что США в настоящий момент нужен жесткий (*tough*) лидер, тем самым создавая контекстуальную антонимию лексем 'nice' и 'tough'.

Поскольку политики склонны проявлять речевую агрессию, дискредитировать своих оппонентов, считаем возможным предложить термин «лингвоперсонама политика-агрессора». В лингвистической науке до сих пор нет универсальных критериев, руководствуясь которыми, можно бы было всегда диагностировать наличие речевой агрессии в тексте, что объясняется широкой представленностью в дискурсе прагматической, контекстной невежливости¹¹ [Ларина, Харлова, 2015, с. 35]. Проблема осложняется тем, что восприятие того или иного выражения в качестве вежливого или невежливого является отчасти субъективным. Тем не менее во многих случаях присутствие агрессивных элементов в дискурсе политика очевидно:

TRUMP: Even the slime, the slime sitting over there... (https://www.youtube.com/watch?v=UeGfbkGMq_8).

¹⁰ В английском языке лексема 'nice' наделена положительными коннотациями, но так было не всегда: еще во времена У. Шекспира это слово означало не «приятный», а «глупый». В речах Д. Трампа данная лексема нередко приобретала не свойственные ей коннотативные значения, в частности она относилась к «слабому» кандидату Джебу Бушу.

¹¹ Прагматическая невежливость противопоставляется абсолютной невежливости [Ларина, Харлова, 2015, с. 35], которая, однако, по сути, является абстрактной категорией. Как свидетельствует Дж. Калпелер, даже типично невежливое, агрессивное речевое поведение (например, выкрикивание бранных слов) в некоторых контекстах допустимо. Так, оно совершенно нормально в толпе футбольных фанатов [Culpeper, 2011, p. 22].

‘Slime’ переводится как «грязь», «слизь». Употребленная по отношению к людям (Д. Трамп говорит о работниках СМИ), лексема становится инвективой, сигнализирует инвективную коммуникативную стратегию.

К инвективной коммуникативной стратегии следует также отнести многочисленные диффамирующие ярлыки, придуманные Д. Трампом для унижения, осмеяния своих противников, часто выступавшие в качестве языковой игры¹² (подробнее см.: [Алексеев, 2018б]).

Категория «лингвоперсонема политика-агрессора» может быть связана с дискредитацией, даже если она осуществлена сравнительно вежливо, без использования явных оскорблений, которые в дискурсе могут заменяться (имплицитной) этической оценкой, рационализацией, мифопоэтикой или – чаще всего – ссылкой на авторитет, сопоставлением взглядов политического противника и авторитетного лица [Каменева, Потапова, 2021, с. 86]. Для такой дискредитации нередко применяются риторические вопросы и перифразы.

SANDERS: Do we really feel confident about a candidate saying that she's going to bring change in America when she is so dependent on big money interests? (<https://www.youtube.com/watch?v=YrFurUjvXRU>).

Выражение *she is so dependent on big money interests* достаточно ясно указывает на продажность политика, хотя эта ее черта и не называется прямо.

Политики-агрессоры склонны употреблять разнообразные лингвостилистические средства, в частности военные метафоры (о военных метафорах с милитаристским содержанием и без него см.: [Крышталева, 2019]).

Еще один тип лингвоперсонемы политика – политик-маргинал. Термин «политик-маргинал» уже неоднократно использовался нами в прежних публикациях. Теме политической маргинальности посвящены научные труды А. М. Вафина [2016]. С другой стороны, о политиках-маргиналах – пусть вскользь – пишут и ученые, работающие в рамках политической лингвистики. Так, А. Ф. Боголюбов полагает, что современные либералы – «это, за редчайшим исключением, маргиналы всех мастей» [2020, с. 136]. По мнению ученого, «крупные фигуры, способные быть кризисными управляющими на политическом Западе, почти перевелись, между элитами идет словесная “драчка”» [Там же].

В этой связи, как нам видится, следует отметить, что, во-первых, термины «политический маргинал», «политик-маргинал» не оценочные, хотя, быть может, лексема «маргинал», наделенная в обыденном (не научном!) языковом сознании отрицательными коннотациями, располагает к их такому прочтению. Во-вторых, политические и лингвистические тенденции, упоминаемые А. Ф. Боголюбовым в отношении «политического Запада», с большой долей вероятности обнаружатся и в других странах, традиционно не относящихся к Западу¹³, ведь именно США задают современную повестку дня, о чем, в частности, напоминают турецкие исследователи [Ünlü, 2015].

Мы рассматриваем лингвоперсонему «политик-маргинал» в ее связи с коммуникативной стратегией маргинализации¹⁴, которая может осуществляться несколькими способами. Несколько упрощенно выразим их в виде следующих форм самоидентификации.

¹² В значении как ‘language play’, необходимой при создании диффамирующего ярлыка, так и ‘language game’, актуализируемой в дискурсе в том смысле, что до последнего времени профессиональным политикам было несвойственно такое широкое использование инвектив.

¹³ Слово «Запад» в современном российском политическом дискурсе, по нашему мнению, представляет собой одну из ключевых мифологем, которая ложится в основу не только мифа о декабристах, «предателях Родины», но и многих других политических мифов. Вместе с тем это слово, шаблонно наделяемое отрицательными коннотациями (ср.: «враждебный Запад», «коллективный Запад» и т. д.), многозначно, и дискуссия о том, является ли Россия в культурном и историческом смыслах Западом, развернувшаяся в XIX в. между западниками и славянофилами, служит наглядным подтверждением того, что Россия на самом деле претендовала быть частью просвещенного, развитого Запада.

¹⁴ Суть этой стратегии описывается нами достаточно подробно в [Сорокина, Алексеев, 2019, с. 384–392], а исходные положения были сформулированы в [Алексеев, 2017б].

1. «Я есть не-политик» (или: «Я нетипичный политик»).

TRUMP: I said: 'Didn't you do a horrible ad at me 2 weeks ago? ...how do you pivot from that to saying you think I'm a wonderful person?' He said: 'No problem, sir!' you know why? Politicians, they can do that. I have a hard time doing it, they can do it (<https://www.youtube.com/watch?v=RxzraR2R31g>).

Осуждая политиков, конструируя имидж нечестных, лицемерных людей, Д. Трамп с помощью прагматического использования личных местоимений ('they' vs 'I'), актуализации базовой оппозиции политической коммуникации, обычно выражаемой учеными через дихотомии «мы – они», «свои – чужие», подчеркивает: я не-политик, я аутсайдер. Ср.:

Kellyanne CONWAY: So if you consider yourself a change-maker, an outsider, a non-politician, if you are sick of empty promises and lousy results... (<https://www.youtube.com/watch?v=Pkt7EqFWii4>).

К. Конуэй, менеджер президентской кампании Д. Трампа, впоследствии советник президента, применяет для семантизации слова «не-политик» контекстуальные синонимы «люди, изменяющие мир», «аутсайдеры», «не-политики». При этом оратор обращается непосредственно к адресату, акцентирует личное местоимение 'you', делает своеобразный комплимент аудитории, конечно, в большинстве состоящей из непрофессиональных политиков. Тем самым достигается еще одна цель: формируется общность с избирателем.

2. «Я женщина»¹⁵.

CLINTON: Senator Sanders is the only person who ... would characterize me, a woman running to be the first woman president, as exemplifying the establishment (<https://www.nytimes.com/2016/02/05/us/politics/transcript-of-the-democratic-presidential-debate.html>).

Или:

H. CLINTON: I can't imagine any one being more of an outsider than the first woman President. I mean really, let us think about this now (<https://www.youtube.com/watch?v=sXH0zFhCdCU>).

Лексема «аутсайдер»¹⁶, таким образом, в дискурсе Х. Клинтон не просто синонимична гендерному маркеру «женщина», но и наделяется значением схожим с тем, в котором оно употреблялось в речах сторонников Д. Трампа.

3. «Я революционер».

Формула в принципе характерна для большинства политических маргиналов, настойчиво призывающих к переменам.

TRUMP: Politicians are all talk, no action... We need a change. We need a very big change. We're going to make our country great again (<https://www.youtube.com/watch?v=Nyl4xIVS-jw>).

Формула «Я революционер» может трансформироваться в маркер ассоциативно связанной самоидентификации «Я социалист»¹⁷.

¹⁵ Эта стратегия, наверно, возможна даже в таких странах, как ФРГ, где в роли национального лидера долгое время выступает женщина, поскольку феминистическое движение там по-прежнему очень активно. Между тем хотелось бы подчеркнуть, что в большинстве стран Запада и в России в том числе (если исходить из того, что Россия – все-таки Запад) женщины не являются даже меньшинством, тем более ущемленным в правах. По словам А. Ф. Фефелова, прекрасная половина человечества представляет собой мнимое меньшинство [Фефелов, 2014, с. 41], или, можно сказать, квазименьшинство. Однако вопрос о маргинализованном статусе женщин в системе политических институтов, на наш взгляд, остается дискуссионным.

¹⁶ Вообще, как и слово «маргинал» в обыденном языковом сознании, лексическая единица «аутсайдер» отрицательно коннотирована. В американском политическом дискурсе 2015–2016 гг. произошла амелиорация этих слов, хотя употребления термина 'marginal' американскими политиками нами обнаружено не было, – его заменили синонимы (outsider, non-politician, etc.).

¹⁷ О своей принадлежности к социалистам неоднократно говорил сенатор Б. Сандерс. В США – капиталистической, развитой стране – социалистические воззрения европейского происхождения, действительно, маргинальны, а социалисты находятся, как правило, на периферии американского политического спектра.

Анализируя российский политический дискурс, мы находим вполне уместным рассмотреть еще один способ маргинализации – «Я против всех»¹⁸, опробованный К. Собчак в 2017–2018 гг., когда она баллотировалась в президенты.

СОБЧАК: Если сегодня графа «против всех» в моем лице наберет голоса – это позволит перевернуть систему. Я не знаю ни одного примера, когда люди оставались бы дома и что-то при этом изменилось.

Или:

СОБЧАК: Всё старое должно быть снесено... Предлагаю голосовать «против всех» на этих как бы выборах, и это – то небольшое, что мы можем сделать сегодня (<https://sobchakprotivvseh.ru/blog/7/>).

Как видно из приведенных реплик, призыв голосовать «против всех» (а по существу, это манипуляция, так как голосовать всё равно предлагалось за конкретного кандидата – К. Собчак) сочетался с довольно радикальными, даже революционными требованиями «перевернуть систему», «снести всё старое».

Стратегия маргинализации, реализуемая через формулу «Я женщина», тоже получила национальную специфику, например в речах К. Гордон.

ГОРДОН: Мы страна матерей-одиночек, на которых всем плевать. Когда-то я принимала участие в оппозиционных акциях, пыталась найти общий язык с прокремлевскими представителями, я поняла, что все кормятся у одной и той же лоханки и, по факту, удовлетворяют или свои амбиции, или пытаются заработать на нас деньги.

Или:

ГОРДОН: Я хочу ... стать голосом для женщин, чьи права попорны. (<http://www.mk.ru/politics/2017/10/30/ekaterina-gordon-sobralas-v-prezidenty-za-prava-bab.html>)

Другими словами, К. Гордон не просто заявила, как Х. Клинтон, «Я женщина, а потому не могу быть частью политического истеблишмента», а, во-первых, подчеркнула, что она мать-одиночка, во-вторых, эксплицитно обозначила, что права женщин¹⁹ в России попорны и что на них «пытаются заработать деньги». Политик не стеснялась и слов со сниженной стилистической окраской («плевать», «лоханка»).

Заключение и выводы

Когда уже сейчас написано достаточное количество работ о языковой личности политика, изучены основные лексические единицы, часто употребляемые политиками, а также грамматические – в первую очередь синтаксические – особенности речи политиков, когда описаны многие политические концепты, в том числе связанные с политическими метафорическими моделями, исследованы лингвопрагматические категории, определяющие политический дискурс, теория языковой личности Ю. Н. Караулова, имевшая огромное значение для антропоцентрической лингвистики, включая политическую лингвоперсонологию, не может оставаться единственной в науке.

Не вызывает сомнения, что изучение языковой личности политика актуально и востребовано в современной антропоцентрической лингвистике. Мы предложили свое видение проблемы влияния политического дискурса на формирование языковой личности политика, обозначили некоторые типы лингвоперсономы политика, конструируемые в рамках полити-

¹⁸ Возможность использовать способ маргинализации «Я против всех» в российском политическом дискурсе объясняется политическими реалиями нашей страны: дебатами по поводу того, надо ли оставить в избирательных бюллетенях строку «против всех», фактическим отсутствием политической репрезентации для большого количества либерально настроенных граждан, растущим недовольством по поводу того, что избираются всегда одни и те же лица и т. д. В этой связи не случайно, что аналогов коммуникативной стратегии маргинализации, осуществляемой по формуле «Я против всех», в американском политическом дискурсе нами не найдено.

¹⁹ Имеются в виду права в самом широком смысле слова, а не только политические права.

ческого общения, соотносимые с его основными характеристиками. Наше видение этого вопроса можно представить в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

Типы языковой личности политика,
соотнесенные с характеристиками политического дискурса

Table 1

Types of the language personality of the politician
linked to the characteristics of the political discourse

Характеристика политического дискурса	Тип языковой личности (ЯЛ) политика
Мифологичность	ЯЛ политика-мифотворца
Театральность	ЯЛ политика-актера
Алармизм	ЯЛ политика-алармиста
Вежливость (речевой этикет)	ЯЛ политика-джентльмена (-леди)
Агональность (аргументативность)	ЯЛ политика-агрессора
Полевое устройство дискурса, где есть центр и периферия	ЯЛ политика-маргинала

Важными терминами при лингвополитологическом рассмотрении языковой личности политика являются лингвоперсонема и лингвоперсона. Если первое терминологическое обозначение – в известной степени абстракция, то второе ориентирует ученого на исследование характерных черт конкретных языковых личностей политика. Вместе с тем разработка теории лингвоперсонемы политика позволит усовершенствовать процедуру анализа языковой личности политика в целом, поскольку может не только предложить научному сообществу новые термины, но и изменить взгляд лингвистов на изучаемый феномен.

Несмотря на то что выделение уровней языковой личности – вербально-семантического, когнитивного и прагматического – по-прежнему остается актуальным [Асланова, 2014], назревает необходимость выработки собственно лингвополитологической теории, объясняющей структуру языковой личности политика несколько иначе. Наша точка зрения лучше всего суммируется с помощью следующей таблицы:

Таблица 2

Структура языковой личности (ЯЛ) политика

Table 2

The structure of the language personality of politician

	Лингвоперсонема	Лингвоперсона		
		Проявленный тип	Слабо проявленный тип	Непроявленный тип
ЯЛ политика	Политик-мифотворец	+	+ –	–
	Политик-актер	+	+ –	–
	Политик-алармист	+	+ –	–
	Политик-джентльмен / -леди	+	+ –	–
	Политик-агрессор	+	+ –	–
	Политик-маргинал	+	+ –	–

Список литературы

- Алексеев А. Б. Конструирование моральной паники в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017а. № 2. С. 47–57.
- Алексеев А. Б. Маргинализация как стратегия политического дискурса деконструкции // Политическая лингвистика. 2017б. № 6. С. 51–58.
- Алексеев А. Б. Профессиональная языковая личность политика как предискурсивный и дискурсивный феномен // Учен. зап. УлГУ. Серия: Лингвистика. 2018а. Вып. 1 (22). С. 207–211.
- Алексеев А. Б. Языковая игра в политическом дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018б. Т. 16, № 1. С. 57–63.
- Алексеев А. Б. Политеймент и влияние его стратегий на языковую личность политика // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. Т. 18, № 2. С. 91–102. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102
- Алексеев А. Б. Дискурс реагирования: лингвополитологический подход // Учен. зап. УлГУ. Серия: Лингвистика. 2020б. Вып. 1 (25). С. 41–48.
- Асланова М. Г. Структура профессиональной языковой личности политика (на материале американского политического дискурса) // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 96–102.
- Боголюбов А. Ф. Bring Us Deliverance, Spy! (прочтение *Марша шпионов* Кипплинга в условиях информационной войны и пандемии) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 2. С. 132–153. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Бушин В. С. Неизвестный Солженицын. М.: Алгоритм, 2006. 448 с.
- Быканова М. С. Языковая личность музыканта в этнокультурном аспекте (на материале дискурсивных манифестаций А. Н. Скрябина и К. Дебюсси): Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2014. 195 с.
- Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
- Вафин А. М. Политические маргиналы в России и Европе: Лимонов, Фортейн, Кон-Бендит и другие случаи. М.: Канон+, 2016. 152 с.
- Иванов Д. И. Теория синтетической языковой личности: Монография. Иваново: ПресСто, 2017. 359 с.
- Каменева В. А., Потапова Н. В. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в американском предвыборном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 3. С. 84–97. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97
- Крышталева В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI в. // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 77–90.
- Ларина Т. В., Харлова М. Л. Невежливость и грубость в межличностном общении американцев // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, № 3. С. 34–42.
- Лебедева С. Г. Лингвостатистические и ассоциативно-вербальные параметры в исследовании идиолекта американского ученого-математика (на материале кинодиалога фильма “A Beautiful Mind”) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 2. С. 27–45.
- Масыч Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов (на материале русского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 214 с.
- Маяковский В. В. Сила класса, слава класса: Стихотворения и поэмы. М.: Современник, 1983. 333 с.

- Передреева М. А., Туватина А. Р.** Формирование массовых настроений: моральная паника и СМИ // Форум молодых ученых. 2020. № 6 (46). С. 538–542.
- Соколова М. А.** Многозначность в английской политической терминологии (на примере консубстанционального термина *power*): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 176 с.
- Сорокина Э. А.** Особенности термина «профессиональная языковая личность» // Современные проблемы экологии языка: Материалы науч.-практ. конф. Астрахань, 2017. С. 269–277.
- Сорокина Э. А., Алексеев А. Б.** Профессиональная языковая личность политика-маргинала как объект лингвополитологического изучения // Терминология: становление, развитие, функционирование: Коллективная монография / Под ред. С. И. Маджаевой. Астрахань: Изд-во Астрахан. ГМУ, 2019. С. 369–401.
- Фефелов А. Ф.** Расовые и расистские сигналы в детских романах Марка Твена в свете политорректной правки // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. Т. 12, № 2. С. 40–49.
- Храброва Е. С.** Конструирование дискурса алармизма в медиaprостранстве Великобритании (на материале освещения пандемии COVID-19) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2 (37). С. 152–161.
- Хьелл Л., Зиглер Д.** Теория личности (Основные положения, исследования и применение): Пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 608 с.
- Шапошникова И. В.** К разработке принципов построения курса междисциплинарной лингвистики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 5–15. DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15
- Эрлих С. Е.** Война мифов. Память о декабристах на рубеже тысячелетий. СПб.: Нестор-История, 2016. 552 с.
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование / Под ред. Н. Д. Голева. М.: ЛЕНАНД, 2015. Вып. 2. 432 с.
- Cohen, S.** Folk devils and moral panics. The creation of the Mods and rockers. London & New York, Routledge, 2002. 281 p.
- Culpeper, J.** Impoliteness. Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 292 p.
- Foucault, M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.
- Hudson, K.** The language of modern politics. London, Macmillan Press, 1978, 167 p.
- Paveau, M.** Les prédiscours. Sens, mémoire, cognition. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2006, 256 p.
- Ünlü, Ç.** Balcony Speech as an Example of American-style Post-election Speech: A Rhetorical Analysis of the Balcony Speech of 2014 Presidential Election in Turkey. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (accessed 21.04.2021) (in Turk.)

References

- Alexeyev, A. V.** Constructing moral panic in political media discourse. *Political Linguistics*, 2017, no. 2, pp. 47–57. (in Russ.)
- Alexeyev, A. V.** Marginalization as a strategy of the political discourse of deconstruction. *Political Linguistics*, 2017, no. 6, pp. 51–58. (in Russ.)
- Alexeyev, A. V.** The professional language personality as a prediscursive and discursive phenomenon. *The Scientific Notes of UIGU. Series: Linguistics*, 2018, vol. 1 (22), pp. 207–211. (in Russ.)
- Alexeyev, A. V.** The use of language play in political discourse. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2018b, vol. 16, no. 1, pp. 57–63. (in Russ.)

- Alexeyev, A. B.** Politainment and the influence of its strategies on the language personality of the politician. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020a, vol. 18, no. 2, pp. 91–102. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-91-102
- Alexeyev, A. B.** The reactive discourse: political linguistic approach. *The Scientific Notes of UIGU. Series: Linguistics*, 2020, iss. 1 (25), pp. 41–48. (in Russ.)
- Aslanova, M. G.** The structure of the professional language personality of politician (on the basis of the American political discourse). *Political Linguistics*, 2017, no. 3, pp. 96–102. (in Russ.)
- Bogolubov, A. F.** Bring Us Deliverance, Spy! (Interpretations of The Spies' March in Time of the Media War and Pandemic) *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 132–153. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-2-132-153
- Bourdieu, P.** Sociology of politics. Trfnsl. from French. Moscow, Socio-Logos, 1993, 336 p. (in Russ.)
- Bushin, V. S.** Unknown Solzhenitsyn. Moscow, Algoritm, 2006, 448 p. (in Russ.)
- Bykanova, M. S.** The language personality of a musician in an ethnocultural aspect (at an example of discourse manifestations of N. A. Skrjabin and Debussy). Cand. Diss. of Philology. Belgorod, 2014, 195 p. (in Russ.)
- Cohen, S.** Folk devils and moral panics. The creation of the Mods and rockers. London & New York, Routledge, 2002. 281 p.
- Culpeper, J.** Impoliteness. Using language to cause offence. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2011, 292 p.
- Erlikh, S. E.** The war of myths. The memory about Decembrists on the millennium frontier. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2016, 552 p. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Dialectics of race and racism markers in 'The Adventures of Tom Sawyer' and 'The Adventures of Huckleberry Finn'. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 40–49. (in Russ.)
- Foucault, M.** The archeology of knowledge and the discourse on language. New York, Pantheon, 1972, 254 p.
- Golev, N. D.** (ed.). The language personality: modeling, typology, portrait-making. Moscow, LENAND, iss. 2, 432 p. (in Russ.)
- Hjelle, L., Ziegler, D.** Personality theories. Basic assumptions, research, applications. Transl. from English. St. Petersburg, Piter, 1999, 606 p. (in Russ.)
- Hudson, K.** The language of modern politics. London, Macmillan Press, 1978, 167 p.
- Ivanov, D. I.** The theory of a synthetic language personality: Monograph. Ivanovo, PresSto, 2017, 359 p. (in Russ.)
- Kameneva, V. A., Potapova, N. V.** Authority-Based Strategy of (De)legitimization in American Electoral Discourse: A Case Study. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 3, pp. 84–97. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97
- Khrabrova, E. S.** Constructing of alarmist discourse in the UK media (on the basic of COVID-19 pandemic media coverage). *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2020, no. 2 (37), pp. 152–161. (in Russ.)
- Kryshchaleva, V. E.** Military metaphors in the discourse of the presidents of Russia and France in the Beginning of the 21st Century. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 77–90. (in Russ.)
- Larina, T. V., Kharlova, M. L.** Impoliteness and rudeness in interpersonal interaction of Americans. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2015, vol. 13, no. 3, pp. 34–42. (in Russ.)
- Lebedeva, S. G.** Linguostatic and Associative Verbal Parameters of an American Mathematician's Idiolect (Based on the Dialogue of the Film A Beautiful Mind). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 2, p. 27–45. (in Russ.)

- Masyh, T. L.** Law enforcement officers' professional language picture of the world (on the basis of the Russian language). Cand. Diss. of Philology. Volgograd, 2010, 214 p. (in Russ.)
- Maykovsky, V. V.** The strength of the class, the glory of the class. Moscow, Sovremenik, 1983, 333 p. (in Russ.)
- Paveau, M.** Les prédiscours. Sens, mémoire, cognition. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2006, 256 p.
- Peredreeva, M. A., Tuvatina, A. R.** The formation of mass emotions: moral panics and mass-media. *Forum of Young Scientists*, 2020, no. 6 (46), pp. 538–542 (in Russ.)
- Shaposhnikova, I. V.** On the Fundamental Principles of Building a Course in Interdisciplinary Linguistics. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020, vol. 18, no. 4, pp. 5–15. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-4-5-15
- Sokolova, M. A.** Polysemy of the English political terminology (on the example of consubstantial term power). Cand. Diss. of Philology. Moscow, 2016, 176 p. (in Russ.)
- Sorokina, E. A.** Peculiarities of the term 'professional language personality'. In: Modern problems of language ecology. Materials of a practical science conference. Astrakhan, 2017, pp. 269–277. (in Russ.)
- Sorokina, E., Alexeyev, A. B.** The professional language personality of a politician-as-marginal as an object of the political linguistic study. In: Terminology: formation, development, functioning. Collective monograph. Ed. by S. I. Madzhaeva. Astrakhan, Astrakhan State Medical Uni. Press, pp. 369–401. (in Russ.)
- Ünlü, Ç.** Balcony Speech as an Example of American-style Post-election Speech: A Rhetorical Analysis of the Balcony Speech of 2014 Presidential Election in Turkey. URL: <http://iletisimdergisi.gsu.edu.tr/tr/pub/issue/27119/285313> (accessed 21.04.2021) (in Turk.)
- Vaphin, A. M.** Political marginals in Russia and Europe: Limonov, Fortaine, Con-Bendit and other cases. Moscow, Kanon+, 2016, 152 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Борисович Алексеев, кандидат филологических наук

Information about the Author

Alexander B. Alexeyev, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 23.04.2021;
одобрена после рецензирования 01.06.2021; принята к публикации 01.06.2021
The article was submitted 23.04.2021;
approved after reviewing 01.06.2021; accepted for publication 01.06.2021*